

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМЫ ВЫХОДА ИЗ СОСТОЯНИЯ ПРЕДНАУКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

А. В. ТИХОНОВ

ТИХОНОВ Александр Васильевич - доктор социологических наук, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН (E-mail: alvast@isras.ru).

Аннотация. Сформулированы оценки современного состояния социологической науки в России и мире. Предложено авторское видение накопившихся в социологии проблем, путей выхода на траекторию движения к ее новому качеству.

Ключевые слова: социология современная * социология отечественная * социология теоретическая * социология, общественная роль * социология и смежные науки * социология, перспективы развития

Эта статья продолжает теоретико-методологические размышления о состоянии отечественной социологии и поиске путей выхода на новый этап развития¹. За последние двадцать лет отечественная социология во многом синхронизировалась с европейской и мировой социологиями и приобрела при этом не только плюсы, но и минусы. К последним добавились и свои собственные. Журнал "Социологические исследования" в этой связи выделил парадоксальный факт способности России раз за разом наступать на одни и те же грабли и при этом проявлять слабую заинтересованность в научных знаниях относительно причин происходивших катаклизмов [1]. На самом деле механизм невостребованности науки об обществе весьма не прост. Прежде всего, социология не находится в такой зависимости от состояния и изменений своего объекта, как это характерно для наук о природе. Она включена в более сложную механику отношений с властью и обществом, чем естественные и технические науки. Приведу пример из новейшей истории. Бывшему советнику правительства Е. Гайдара профессору О. И. Шкаратану [2] удалось накануне реформ 1992 г. пригласить в Москву группу высококвалифицированных специалистов в составе Ф. Э. Кардозу, М. Карноя,

стр. 3

¹ См. подробнее: *Тихонов А. В.* Эпистемологический статус социологического знания и некоторые проблемы внутри научной рефлексии в отечественной социологии // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Выпуск 6. М., 2007. *Он же.* Посткризисный синдром отечественной социологии и проблема новой повестки дня. Ежегодник. Выпуск 7. М., 2008. *Он же.* Российское общество как новая социальная реальность и метапроект отечественной социологии. Ежегодник. Выпуск 8. М., 2009. *Он же.* Переосмысление классиков социологии в системе отношений "социология-общество-наука": тезисы докладов на конференции СОПСО (декабрь 2010).

М. Кастельса, С. Козна и А. Турена. Эти уважаемые социологи и политики пытались открыть глаза на последствия для России некритического следования рекомендациям Всемирного банка. Результат оказался нулевым.

Есть историко-сравнительные данные Э. И. Колчинского (ИИЕТ РАН) о взаимоотношениях естественных наук, власти и общества, начиная с Нового времени и кончая современностью, которые заставляют и социологов задумываться о перспективе своей науки [3]. Да мы и сами хорошо помним, как социологию запрещали у нас и как трудно дался нам возрожденческий этап. Поэтому, если отечественной социологии, как оптимистично считает С. Г. Кирдина, выпадет шанс преодолеть полипарадигмальную фрагментацию в мировой социологии путем диалога и методологического синтеза разных стратегий ее развития [4, с. 556], то следовало бы обсудить, по крайней мере, еще два вопроса: 1) в какой степени отечественная социология отвечает сегодня критериям современной науки и 2) может ли наша социология претендовать на признание ее в своем обществе, если она не обращается к нему с новыми идеями, а выполняет обслуживающие функции власти и бизнеса.

Сама постановка этих вопросов более чем актуальна для отечественной социологии и российского общества, переживающего радикальные перемены. Устойчивое развитие - это не стратегия, а голубая мечта современных обществ-государств. Она остается таковой не только для периферии и полупериферии миросистемы (И. Валлерстайн), но и для благополучного "золотого миллиарда". Последний мировой финансово-экономический кризис (и первый кризис глобального постиндустриального общества) показал, что не все так хорошо даже в "лучшем из миров" и перспективы становятся туманными. Поэтому и мировой, и нашей социологии еще рано, а может быть и вообще не надо отказываться от общества как от своего научного объекта, заменять его социумом, общностями, социальной сферой или таким важным аспектом как гражданское общество. Ведь позитивистски ориентированная программа науки об обществе О. Конта заявляла только об одном, что наряду с явлениями природы, ответственность за изучение которых взяли на себя естественные науки, так же строго и так же последовательно следует заниматься изучением общества как целого, выдвигая гипотезы и проверяя их на основе твердо установленных позитивных фактов. Тем самым был брошен вызов не только теологии и спекулятивной философии того времени, но и всему *вненаучному и паранаучному потоку социального знания, непрерывно генерирующего идеи путем непосредственного наблюдения над травмирующими сознание социальными явлениями*. Естественным наукам во все времена было намного проще теоретизировать. Объекты естественных наук не имеют знания о самих себе, не манифестируют согласие или несогласие с наукой, когда та отклоняется от реальности или прогнозирует катаклизмы. Уже поэтому естественно-научному знанию удалось преодолеть период полипарадигмальности и разработать более-менее согласованные позиции теоретического дискурса.

Сегодня естественные науки не испытывают острой необходимости опираться на схемы производственной практики, как в начале их пути, а способны генерировать новые, непривычные для практики предметные миры и тем самым опережать происходящие изменения. Из практики не вытекали, например, многие физические и химические свойства тел и веществ, открытые наукой. В практике само собой не появились ни электрическая, ни ядерная энергия, не говоря уже о нанотехнологиях или клонировании живых организмов. Все это сделано (или выявлено) путем разработки моделей, выдвижения гипотез и их экспериментальной проверки в специально созданных лабораториях, в искусственных приборных комплексах.

В социологии ничего подобного не происходило. Ее теории становились все более обобщенными и детализированными в понятийном отношении, но все еще мало отличающимися от несистематизированных наблюдений в процессе практики. Уже то, что общества типологизируются в социологии по способу производства, говорит о том, что сначала происходят изменения в практике, а потом появляются теории, описывающие эту практику и критикующие ее очевидные недостатки. Так возникло

представление об индустриальном обществе, которое пришло на смену аграрному. А. Сен-Симон, О. Конт, Г. Спенсер и Э. Дюркгейм говорили о "промышленном обществе", К. Маркс и М. Вебер о "капиталистическом обществе" тогда, когда эти общества уже возникли в ходе промышленной и буржуазной революций. Каким же образом наблюдения над практикой отразились в социологических теориях и что это были за теории? Можно ли их отнести к социологическим?

У социологов XIX века основным системообразующим элементом общества выступала экономическая подсистема, которая, по теории, задавала его тип, структуру, принципы организации и формирования социального порядка. Основным механизмом функционирования и развития общества признавалось разделение труда и связанная с ним его социально-профессиональная и классовая дифференциация, хотя, конечно, это не единственный способ структурирования социального. К. Маркс увидел в этом механизме антагонистические отношения между трудом и капиталом и выдвинул всеобъемлющую теорию смены общественно-экономических формаций, не потерявшую значения до сего дня. Он не только исходил из анализа практики, но и возвел ее в критерий истины, чем значительно притормозил теоретизацию общественных наук.

Что ценного было в работах первопроходцев социальной мысли? Они концептуализировали отдельные явления общественной жизни на начальной стадии формирования индустриального общества, предложили соответствующие дефиниции и использовали их для описания его состояния и изменений. У О. Конта это статика и динамика из доквантовой физики с надуманной теорией "трех стадий", у К. Маркса - идеи отчуждения, прибавочной стоимости и классовой борьбы, взятые из критики гегелевской философии и политэкономии, у Г. Спенсера - эволюционные изменения социального порядка как организма (из биологии), у Э. Дюркгейма - идеи социального факта, механической и органической солидарности (из теории разделения труда и наблюдения над коллективным сознанием), у М. Вебера - идея решающей роли целерационального социального действия в развитии западного общества (из протестантской этики). Все это были значительные шаги в деле концептуализации социальной реальности и в методах ее изучения, но еще слишком далекие от того, чтобы эти теории можно было назвать социологическими. Примером тому является противоположность позиций и понятийной терминологии, описывающей реальность у таких классиков как Дюркгейм и Вебер, хотя такие концепты как "коллективные представления", "идеальные типы" вполне можно отнести к социологическим. Если они и имели отношение к становящейся науке об обществе, то как этап, похожий на этап "великих географических открытий", когда каждый первооткрыватель, находясь под впечатлением от увиденного, давал наименования открытым явлениям по своему усмотрению. Поэтому нам так трудно сегодня увязывать их терминологию в связную теорию, ведущую к социологическому описанию и пониманию свойств и строения социальной реальности.

Положение в социологии как объявленной, но нереализованной науке об обществе, мало изменилось и в 20 - 70-е годы XX века. Здесь также были сделаны новые открытия "континентов", - на основе обобщения динамики индустриальных обществ. Так выяснилось, например, что либеральный капитализм, развивающийся через череду кризисов, чтобы как-то смягчить их последствия, превратился в государственно-монополистический. Наряду с тем, что экономическая сфера продолжала рассматриваться как доминирующая, были отмечены изменения в содержании и характере труда, в отношениях собственности, между экономикой и сферами политики и государственного управления. В структуре общества были выделены уровни управления: социетальный, институциональный, менеджеральный и технический. Появились новые понятия: "массовое общество", "посткапиталистическое общество", как следствие крупномасштабного производства и нового образа жизни. Как раз в этот период много говорили о возможности конвергенции капиталистической и социалистической систем, поскольку и та, и другая имели общие черты индустриального общества. Появилась фундаментальная работа Т. Парсонса на основе методологии структурного

функционализма, претендующая на роль новой всеобъемлющей теории. Эта попытка почти сразу была раскритикована и в СССР, и на Западе, но, возможно, в этом и была ее самая большая заслуга в деле становления социологии как науки. Критиковали ее, прежде всего, за доминирование целого (общества) над человеком, за обращение к органическим и биологическим аналогиям, за преувеличение роли социального порядка над его изменениями и, соответственно, за принижение роли конфликтов и девиации в развитии общества, за отсутствие анализа социальных классов и многое другое. В частности, за тавтологичность ряда понятий и невозможность их операционализации.

Все это имело место, но нельзя не отметить, что вместе с критикой через заимствования развивались другие теории, которые стали называться социологическими. Влияние К. Маркса и Т. Парсонса можно и сегодня найти в работах Дж. Александера, Р. Коллинза, Э. Гидденса, Дж. Тернера, Ю. Хабермаса, П. Бурдьё, П. Штомпки и многих отечественных социологов. В то же время именно Т. Парсонс явил собой первый пример создания именно социологической теории на основе идей и достижений таких общенаучных дисциплин, как теория систем и кибернетика. Его четырехфункциональная парадигма (AGIL) уже не содержала видимых следов практики, а позволяла теоретизировать на тему поддержания внутреннего гомеостаза с внешним окружением идеально структурированной системы в разных исторических условиях, культурах и обществах [5]. Это старая, но всегда современная проблема для теоретической социологии: внутри системы главное - отношения между ее частями и целым, а вовне - общая реакция социальной системы как целого на вызовы и угрозы. Для описания этих разных состояний потребовался особый теоретический язык, который и попытались создать Т. Парсонс и Р. Мертон.

На рубеже 1960 - 70-х годов в западных обществах стали происходить изменения, которые позволили сначала определить их как постиндустриальные, а затем точнее -информационные. Эти достижения были следствием информационно-компьютерной революции и признания обществом особых заслуг естественно-научного корпуса знаний [6]. Здесь наука в прямом и переносном смысле проявила себя производительной силой, предлагая обществу впервые в истории человечества новый ресурс - научные знания. Такие ресурсы как свойства природы, труд и капитал, составлявшие до сих пор универсальные условия существования человеческих обществ, стали терять свое исключительное значение, а научное знание, воплощенное в новой технике и инновационных технологиях, впервые стало менять социальный порядок. Осмысление этих новых явлений происходило в рамках социально-философских теорий, которые нельзя назвать социологическими. Это общество "третьей волны" О. Тоффлера, "постиндустриальное общество" Д. Белла и А. Турена, "общество сервисного класса" Р. Дарендорфа, "посткапиталистическое общество" П. Друкера и др. В этих теориях произошел своеобразный эффект "открытия Америки". Если Колумб вместо нового пути в Индию открыл "Новый Свет", то здесь, поскольку до этого все теории строились на признании ведущей роли индустриализма, открыли постиндустриализм - совсем другой контекст, с другой ролью науки и с другими теориями. Социологическая литература наполнилась новой терминологией от наблюдений за происходящими в информационном обществе изменениями, для которых еще не выработаны общая маркировка и понятийный аппарат, но он появляется в отраслевых социологиях -социология знания, социология организаций и управления и в целом ряде других [10].

В итоге, как пишет о новой ситуации в теоретической социологии Н. А. Полякова, она характеризуется не столько необходимостью смены старой парадигмы, по Куну, сколько осознанием потребности в ревизии всего исторического пути развития социологических представлений об обществе. "Задача состоит в том, - пишет она, - чтобы построить новую теорию, хотя бы сопоставимую по своей эффективности с теорией общества Т. Парсонса... В этом направлении движется социологическая рефлексия целого ряда авторитетных социологов" [11]. В наши задачи не входит детальный анализ того, кто и как движется в этом направлении. В. А. Ядов в работе "Современ-

ная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций" (СПб., 2006) специальное внимание уделяет тенденциям разработки интегративных теорий (с. 81). Перечисленные им авторы пытаются "диалектически интегрировать системно-структурные, конструктивистские и феноменологические подходы". Можно сказать, что "процесс пошел", но вопрос о том, в какой мере сопоставим эпистемологический статус знания об обществе в этих теориях с социологическим, остается открытым.

Важно подчеркнуть, что основными препятствиями для дальнейшей теоретизации мировой и отечественной социологии являются: 1) упорное неразличение в теориях социологической и социальной реальности, что, на наш взгляд, связано с традицией описывать и объяснять социальное через социальное и называть это социологией,

2) несоразмерное смещение внимания в определении социологии как науки об обществе на объект (общество с его модификациями), вместо того, чтобы сделать разумный акцент и на слове "наука" и ответить на вопрос: в какой мере современная теоретическая активность в социологии соответствует современному состоянию теоретического знания в развитых отраслях науки?

Что касается первого препятствия, то хочется предложить читателю открыть любой (наш или западный) учебник по социологии, чтобы самому убедиться, что авторы многократно упоминают слова "социальная теория" и "социологическая теория" как синонимы. Это то же самое, как если бы физик, химик или биолог называли свои дисциплины природоведческими. При наличии такого словоупотребления можно смело говорить о нахождении социологии на преднаучной стадии своего развития. Можно привести более конкретные примеры. Так, Брайан Тернер, редактор и издатель "Journal of classical sociology" выпустил целый ряд крупных теоретических работ по социологии. Поскольку центр развития социологии, по его словам, снова перемещается в Европу, он пишет: "Европейская социальная теория, возможно, снова займет доминирующую позицию в мировом развитии социальной теории" [7]. Можно подумать, что речь идет о констатации реального положения дел в социологии, которая относится к социальным наукам. Это было бы верно, поскольку по генезису все социологические теории являются социальными. Но не все социальные теории являются социологическими. Последний тезис игнорируется на каждом шагу. Более того, в большинстве случаев это сознательная позиция. Так, ссылаясь на мертоновский принцип "дисциплинарного эклектизма", который понимается как открытое, свободное и терпимое отношение к альтернативным объяснениям в науке, подверстывается совсем другой эклектизм - "беспринципный". Вот доклад Фонда Гулбенкяна (ред. И. Валлерстайн) с названием "Open Social Sciences". В нем призывают к объединению социологии с психологией, экономикой, антропологией, когнитивной, политической науками. М. Доган, поддерживая идею, считает, что это надо сделать для того, чтобы изменить старую классификацию социальных наук и перейти к новым гибридам [8]. Как тут не вспомнить слова вождя мирового пролетариата: "прежде чем объединиться, нужно хорошенько разъединиться". Одно дело - междисциплинарные контакты и исследования, а другое - эклектика социальной мысли, которая противоречит современным тенденциям формирования дисциплинарного знания, выступающего в качестве исходного пункта его теоретизации. Для такой становящейся науки как социология именно ее дисциплинарная организация, объединяющая теории разных уровней общности с уровнем эмпирических исследований, и представляет собой возможность перестраивать ее научные основания, содействовать переходу от стадии преднауки к стадии науки [9].

В этой связи обратимся к классификации социологических теорий, предложенной П. Штомпкой. Он выделяет четыре типа: 1) экзегетические, 2) аналитические,

3) эвристические и 4) объяснительные [12]. Первые, по его мнению, наименее полезны для социологии, поскольку представляют собой свободные интеллектуальные упражнения на "тему". Их содержание - разбор точек зрения и текстов других авторов. Надежд на то, что социологическое знание будет четко отделяться от социального,

питать не приходится. П. Штомпка относит к таким типам работ довольно известные, которые многие считают социологическими. Например, "Объяснение и социальная теория" Н. Смелсера, "Капитализм и современная социальная теория" Э. Гидденса, "Структура социального действия" Т. Парсонса. Но при этом нельзя не признать значения таких работ на стадии формирования социологии как научной дисциплины.

Вторые (аналитические) обобщают и проясняют используемые в литературе понятия, разрабатывают типологии и классификации, имеют тенденцию к созданию концептуальных схем, без которых обзоры литературы и критические замечания в адрес оппонентов или других авторов будут логически не убедительными. Но такая систематизация и концептуализация еще ничего не говорят о принадлежности социальной теории к социологии. Это общенаучная процедура работы с понятийным аппаратом, но словарь социального и словарь социологического - это разные словари, у них разная семантика, грамматика и прагматика, если говорить языком семиотики. Первые отражают социальную практику, явления общественной жизни, как онтологию, вторые - идеи о сути этих явлений и связи между ними. Перевод социальной проблемы в социологическую - это перевод с практического языка на научный. Всякие попытки непосредственного измерения социальных явлений путем, например, опросов без социологической концептуализации предмета исследования лишает полученные данные социологического статуса. Это в лучшем случае будут данные статистики и полезные, возможно, для политиков, идеологов и управленцев, но малопригодные для науки. Тем более что сомнения относительно социологичности социальной статистики уже не раз высказывались в социологической литературе.

Третий вид социологических теорий - эвристические. Их нельзя проверить эмпирически, они содержат образы социальных явлений и понятия, ориентирующие социологию на постановку проблем. П. Штомпка относит их больше к социальной философии, чем к социологии. Здесь обсуждаются "вечные" онтологические проблемы: что такое социальная реальность в отличие от природной, что такое социальный порядок, как и почему происходят социальные изменения. Собственно в этих теориях на определенном этапе формирования социологии как науки и должно произойти разделение социального и социологического, онтологического и гносеологического, практического и научного. Но, как показывает история социальной мысли и тесно связанная с ней история социологии, такое разделение происходит с большим трудом: и марксизм, и структур-функционализм и символический интеракционизм и теории технократизма Гэлбрайта и т.п. остаются в лучшем случае социально-философскими. Впечатляющее развитие таких теорий связано не с обнаружением и интерпретацией новых социальных фактов (это отдельный методологический разговор), а, по словам П. Штомпки, "с интеллектуальным напряжением", возникающим в связи с новыми идеями в социальной мысли.

Ближе всего к этому этапу четвертый тип теорий - объяснительный. Здесь П. Штомпка слишком оптимистично, на наш взгляд, описывает происходящую в мировой социологии ликвидацию разрыва между социологической теорией и эмпирией. "Многие теоретики больше не занимаются абстрактными идеями - пишет он, - а обращаются к таким реальным проблемам как глобализация, личность, риск, доверие, гражданское общество, демократия, новые формы труда, социальные эксклюзии, моральные травмы и т.д.". Эмпирические исследования, по Штомпке, более не ограничиваются регистрацией фактов и сбором данных. Вместо этого они предлагают обобщающие модели на основе систематизированных фактов. В качестве примеров объяснительных теорий он называет теории девиантности, теорию коллективного поведения, социальных движений, этничности, теорию массовой информации, социального капитала, постматериальных ценностей и т.п. [13]. О том же пишет и Ж. Т. Тощенко в статье "Социологическое знание: структура и уровни" ("Гезаурус социологии. Словарь-справочник". М., 2009, с. 37).

В целом от позиции П. Штомпки, от того, как он себе представляет статус объяснительных теорий в социологии, остается противоречивое впечатление. С одной стороны, это вроде бы теории "среднего уровня", которые все чаще именуется от-

раслевыми или специальными. На Западе их около 60, у нас, по материалам последнего Всероссийского социологического конгресса, около 40. Но неясно, какие из них и как выражают характер и суть социологического знания. Из ссылки на учебник по социологии под редакцией С. Куа и А. Сейлса ("International Handbook of Sociology", London, 2000), цель которого - суммировать положение дел в разных областях социологии, вытекает, что такие теории больше приближаются к реальным социальным, чем к "эзотерическим проблемам" профессиональных социологов. "Социальная теория процветает и выживает наилучшим образом, когда она занимается эмпирическими исследованиями и общественными вопросами" (Дж. Тренер). Ее функция - дать объяснение, или, по крайней мере, сконструировать модель для лучшей организации разрозненных фактов и явлений, для их дальнейшей интерпретации и не только для самой социологии (для коллег-теоретиков), но и для обычных людей, чтобы дать им ориентацию, просвещение, понимание своего состояния, а в обществе - обеспечивать информацию для демократического дискурса. В связи с происходящими в обществе быстрыми и радикальными изменениями не только common people, но и политикам, как считает К. Кэлхун (С. Calhoun), нужно ориентироваться в происходящей неразберихе. "Люди хотят знать, откуда они пришли, что они есть и куда идут. Адекватные представления об обществе, карты социальных отношений могут быть предоставлены только с помощью обобщенных объяснительных моделей". Последнее верно, но все, что говорилось выше - это прямая индульгенция тем, кто профанирует социологию как науку.

Хочу извиниться перед читателями за то, что нам пришлось так подробно излагать все эти аргументы в пользу именно объяснительных теорий. Но другого способа показать, что не только мы, но и продвинутая западная социология слабо рефлексует по поводу своего статуса как науки, трудно найти. Напрашивается вывод: синонимичность социального и социологического в процессе теоретизации социологии - не случайность. Это неотъемлемый спутник процесса ее становления как науки. Очень важно, чтобы проблема была поставлена и четко артикулирована.

Чем больше мы будем теоретизировать, что же такое общество от "человейника" до глобального общества, тем больше будем привлекать вненаучное (философское, эзотерическое, культуроведческое и просто опытное) знание. Поэтому экзегетические и эвристические теории в такой системе координат оказываются интеллектуальной средой для развития социологической мысли. Аналитические и объяснительные теории намного ближе к формированию дисциплинарного статуса социологии как науки. Вопрос и в том, в какой степени социология стремится утвердить этот статус в обществе, которое ждет от социологии практических шагов и новых идей.

Само собой понятно, что отвечать на запросы практики путем разработки объяснительных теорий недостаточно. Формирование у населения "социологического воображения", за что ратуют вслед за Р. Миллсом П. Штомпка, Н. Е. Покровский, С. А. Кравченко, новый президент МСА М. Буравой, скорее образовательная и пропагандистская, чем научно-исследовательская программа. В предложенной выше иерархии социологических теорий (а она не единственная, можно, например, говорить о макро-, мезо- и микросоциологиях) не хватает одного важного звена, имеющего непосредственное отношение к практике. Речь идет о таких теориях, которые непосредственно ее обслуживают (например, теория модернизации). Эти теории разрабатывают новые способы решения практических проблем в глобальном и региональном масштабах. В советское время такой теорией было обоснование и методолого-методическая разработка социального планирования. Благодаря ей произошла перелицовка авторитарно-технократического управления в стране от Госплана до отдельных предприятий, работавших ранее на основе устаревших техпромфинпланов. Но нельзя сказать, чтобы эта инновация спасла страну от застоя и последующего развала. Сейчас, в связи с политикой модернизации материально-технической базы экономики и стремлением использовать информационные технологии, есть потребность в разработке стратегических планов развития отраслей, регионов, предприя-

тий, местного самоуправления. Это все комплексные задачи, но может ли иметь какое-то отношение к их решению социология, представляющая собой то разнообразие "социологии", о которых говорилось выше?

Трудно ответить на этот вопрос однозначно. С одной стороны, "да", поскольку современная социология содержит в себе достаточно большой массив внутридисциплинарного знания, охватывающего почти все без исключения уровни и сферы общественной жизни, от политической и экономической до сознания и поведения на уровне повседневности. Социологам не надо быть для этого политиками, менеджерами, экономистами, юристами, психологами, экологами или культурологами. Им нужно оставаться социологами, поскольку все необходимые теоретические знания и эмпирические данные у них уже есть. Но, с другой стороны, "нет", поскольку социология не обладает необходимым дисциплинарным единством, чтобы сопоставить и объединить это знание для практического решения многоаспектных комплексных проблем. Первым препятствием здесь являются полипарадигмальность, вторым - разрыв между теориями и эмпирией, третьим, и самым главным, методологические трудности в различении социальной и социологической реальностей, что задерживает социологию на стадии преднауки. Она способна что-то порекомендовать практике, о чем-то предостеречь, но она не способна разработать такие идеи и технологии, которые содержали бы принципиально новые ответы на современные вызовы и угрозы. Для этого ей необходимо пересмотреть свои основания и методологические стратегии в отношении практики и решиться на выработку общего дисциплинарного подхода.

В этой связи следует отметить, что стратегии практики и стратегии науки, особенно науки в ее современном понимании как постнеклассической, значительно различаются. Общество рассматривается сегодня как исторически развивающиеся, далекие от равновесного состояния диссипативные системы, порождая, на основе самоорганизации, бесконечное разнообразие форм социальной жизни с наличием в каждый момент времени альтернативных вариантов их развития. Социальный мир под воздействием комбинации эндогенных и экзогенных факторов изменяется нелинейно без гарантий устойчивого прогрессивного развития. Нелинейность заложена в повседневную практику, в деятельность различного уровня и генезиса субъектов социального действия и взаимодействия по модели "вызов - ответ". Задержка с ответом, как и его неадекватность, угрожают существованию тех или иных форм социальной жизни, общностей и целых государств, а успешный ответ приводит к выживанию этих форм через механизмы отбора наиболее приспособленных. Но успешный ответ сегодня не гарантирует распространения его результатов на завтра, когда возникнут новые риски и угрозы (см. об этом в работах О. Н. Яницкого [14]). Поэтому социальная динамика никогда не превращается в надолго упорядоченный ламинарный поток и чревата спонтанными переходами в неуправляемое кавитозное состояние. Обыденному мышлению, непосредственно рефлексизирующему над проблемами практики, по теореме У. Томаса, присуща онтологичность, позволяющая направлять действия на решение возникающих проблем по своему разумению. Поэтому социальная практика в режиме "вызовов и ответов" обладает стратегической интенцией, стремящейся упредить возможные последствия реактивных действий и получить в обозримом будущем положительный результат. Для его достижения она использует произвольную комбинацию средств, которая с трудом поддается теоретическому осмыслению. По этой причине ни одна социальная теория практики не оказалась состоятельной, будь то марксизм, в том числе в вариантах А. Грамши и Д. Лукача, структурфункционализм или праксеология Т. Котарбинского.

Стратегия науки принципиально иная. Наука в своей родовой позиции является способом получения нового знания об окружающем мире путем обнаружения в нем свойств и закономерностей, которые, возможно, будут, а, возможно, и не будут востребованы. По причине принципиальных различий стратегий практик и стратегий науки, положение науки в обществе на протяжении всей писанной истории и, особенно, начиная с Нового времени, складывалось драматически. Достаточно вспомнить

судьбу Галилея, Коперника, Джордано Бруно и многих других гигантов мысли, и слова Гоббса: "если бы геометрия заявила свое право на власть, она бы кончила свою жизнь на костре".

Как пишет В. С. Степин, "все перестройки оснований науки, характеризовавшие глобальные революции в естествознании, были вызваны не только его экспансией в новые предметные области, обнаружением новых типов объектов, но и ее социокультурной детерминацией, связанной с изменениями места и функций науки в общественной жизни" [9, с. 711]. Это замечание может быть отнесено как к тому историческому моменту, когда было объявлено о рождении науки об обществе, так и к нынешнему положению социологии в российском обществе.

Социология возникла в условиях идеалов, норм и онтологических принципов естествознания XVII-XVIII столетий, когда доминирующую роль играли идеи механицизма, а гносеологический субъект познания элиминировался от физического субъекта. После этого наука долго и трудно преодолевала свой первородный позитивизм. Но уже к первой половине XIX века естествознание стало превращаться в дисциплинарно организованную науку. Это означало, что на смену природной реальности как общего объекта познания пришли дисциплинарные реальности: "физическая", "химическая", "астрономическая", "биологическая", что увеличило возможности взаимного обогащения за счет переноса знаний между ними и в итоге привело к созданию обобщенной научной "картины мира". В социологии "социологическая реальность" не утвердила свои позиции до сих пор. В Европе и США дисциплинарная социология сложилась относительно недавно, к 30-м годам прошлого века. А в России социология как научная и учебная дисциплина официально появилась в конце XX века и только недавно несколько выровнялась с развитием мировой социологии. Отсюда и специфически сложная ситуация становления отечественной социологии как научной дисциплины и те противоречия, которые она пытается разрешить.

Но за это время произошла уже и третья по счету глобальная научная революция (с конца XIX до середины XX века), которая привела к появлению неклассического естествознания и, соответственно, к изменению типа научной рациональности. В последней трети прошлого столетия мы стали свидетелями новых радикальных изменений в основаниях науки и в типе ее рациональности, называемой в литературе постнеклассической. Поэтому и в мировой, и в отечественной социологии назревает этап радикального пересмотра форм научной деятельности: с описательно-объяснительных на проблемно-ориентированные, с узко предметных на комплексные научно-исследовательские программы, с догоняющих практику теорий на опережающие ее идеи и технологические разработки. Самым, может быть, важным обстоятельством стало снятие неокантианского "вето" на отношения между науками о природе и науками "о духе". Сегодня признаются три вида равновеликих объектов фундаментальной науки и, соответственно, три корпуса наук: о природе, об обществе и о человеке. Причем, в постнеклассической науке все объекты считаются "человекомерными", т.е. развиваются на основе деятельностного отношения человека к миру. Это дало возможность в качестве основы современной научной "картины мира" принять единую концепцию универсального эволюционизма и разработать новые мировоззренческие ориентиры цивилизационного развития. Соответственно уточняется и обогащается содержание таких категорий как "теория", "объект", "метод", "факт", "обоснование", "объяснение", "научная новизна" и "стратегия исследования", что и задает социологии новые критерии научности.

В целом, по В. С. Степину, общая научная "картина мира" может быть рассмотрена как новая форма знания, которая регулирует постановку фундаментальных научных проблем и целенаправляет трансляцию представлений и принципов из одной науки в другую. Это глобальная научно-исследовательская программа, на основе которой формируются ее более конкретные, дисциплинарные исследовательские программы [9, с. 610]. К числу которых не может не присоединиться и такая становящаяся дисциплина, как социология.

Преднаучный этап развития социологии следует рассматривать как этап переноса естественно-научных, социально-философских и вненаучных знаний на способы описания и объяснения социальных явлений, что проходило в форме конкурирующих исследовательских программ (Конт, Маркс, Спенсер, Дильтей, Дюркгейм, Зиммель, Вебер и др.), предлагавших различные дисциплинарные онтологии для становящегося корпуса социальных и гуманитарных наук. Этот этап сейчас заканчивается обретением социальными и гуманитарными дисциплинами специфических оснований и импульсов собственного развития. Отечественная социология сегодня одновременно решает проблемы внутридисциплинарной интеграции, междисциплинарного сотрудничества и укрепления своего положения в системе "власть-общество-наука". Основная стратегия ее развития - разработка новых технологий социальных действий на основе интегральных теоретико-методологических средств, опережающих практику трансформирующегося общества. Произвольное приписывание умозрительным схемам и теориям парадигмального статуса - пережиток уходящей эпохи.

Неразличение между социальным и социологическим знанием, социальными и социологическими теориями изживается путем принятия кумулятивной стратегии проведения исследований, в которой предусматривается в обязательном порядке анализ предшествующего знания, способа его получения и обоснование приращения знаний. Дальнейшее развитие отечественной социологии ведет к выделению "социологической реальности" в качестве признанного научного объекта исследовательских программ и комплексных исследований [15].

Одной из стратегий отечественной социологии может стать деятельностно-активистский подход, получивший теоретико-методологическое обоснование в работах зарубежных и российских социологов. Ориентация отечественной социологии на критерии постнеклассической науки дает ей исторический шанс занять подобающее место в российском обществе. Нам необходимо преодолеть чрезмерную фрагментацию социологического знания, сделать ряд шагов для приобретения социологией дисциплинарного статуса и выйти на проблемно-ориентированный тип фундаментальных исследований. Общий метапроект, о котором говорилось нами в предыдущей статье (2009 год), может стать интегрирующим фактором для теоретической социологии и способом координации эмпирического уровня исследований. Построение в России "хорошего" общества как цель его движения в будущее может стать аксиологической и социотехнологической инновацией, которая опережает существующую практику и в то же время не является надуманным и недостижимым идеалом. Такой сигнал от социологии ждет и формирующееся у нас гражданское общество.

Список литературы

1. См.: *Романовский Н. В.* Современная социология: детерминанты перемен // Социол. исслед. 2009. N 12. В этой статье собран и систематизирован критический материал, который дает пищу для дальнейших размышлений.
2. *Кардозу Ф., Карной М., Кастельс М., Коэн С., Турен А.* Отчет Российскому правительству международной группы советников по социальным и политическим проблемам экономических реформ и структурных преобразований в России // Мир России. Т. XIX. 2010. N 2.
3. *Колчинский Э. И.* Наука, власть и общество в периоды кризисов: историко-сравнительный анализ // Эпистемология и философия науки. Т. XV. 2008. N 1.
4. См.: Вехи российской социологии (1950 - 2000 гг.). М., 2010. Статьи Г. В. Осипова, М. К. Горшкова, Ж. Т. Тощенко, Л. Н. Москвичева и др. В статье С. Г. Кирдиной "Современные социологические теории: актуальное противостояние" (с. 543 и др.) говорится не только о шансе преодолеть полипарадигмальность, но и методологическом противостоянии западных и незападных подходов как индивидуалистического и холистского. При этом холисты третируются как "неполноценные" теоретики. Это похоже на разжигание "внутривидовой борьбы" в социологическом сообществе. Нам крайне нежелательно участвовать в такой борьбе. Она контрпродуктивна. У нас есть фундаментальная работа по истории теоретической социологии под редакцией Ю. Н. Давыдова и ряд работ по истории мировой и отечественной социологии, что позволяет занять взвешенную позицию.

5. Свои идеи Т. Парсонс развивал на протяжении 40 лет, и судить о его вкладе в социологию следует по поздним работам: "Система современных обществ" (1971) и "Социальное действие и условия человеческого существования" (1978).
6. См.: *Ракитов А. И.* Философия компьютерной революции. М., 1991.
7. *Turner B.* Introduction // *Blackwell Companion to Social Theory.* Oxford: Blackwell, 1996. P. 1 - 16.
8. *Dogan M.* The new social sciences: Cracks in the disciplinary walls // *International Social Science J.* 1997. Vol. 153. P. 429 - 443.
9. См.: *Степин В. С.* Теоретическое знание. Историческая эволюция. М., 2000. С. 706 и др.
10. См., напр.: *Ионин А. Г.* Социология в обществе знаний от эпохи модерна к информационному обществу. М., 2007; *Пригожин А. И.* Цели и ценности. Новые методы работы с будущим. М., 2010; *Социология управления: стратегии, процедуры и результаты исследований.* Отв. ред. *А. В. Тихонов.* М., 2010.
11. *Полякова М. Л.* Общество и его основные сферы // *Тезаурус социологии. Тематический словарь-справочник /* Под ред. *Ж. Т. Гощенко.* М., 2009. С. 226.
12. *Штомпка П.* Теоретическая социология и социологическое воображение // *Социологический журнал,* 2001. N 1.
13. *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества. М., 2005. С. 101 и др.
14. См.: *Яницкий О. Н.* Изменяющийся мир России: ресурсы, сети, места // *Мир России.* 2010. Т. XIX. N3, 2010.
15. Пример таких разработок: *А. И. Ракитов и др.* Системный анализ и аналитические исследования. Руководство для профессиональных аналитиков. М., 2009. Автор пишет: "... аналитические исследования должны учитывать результаты, полученные в науке, и опираться на них, поскольку это возможно и необходимо. Но высшей целью аналитических исследований является решение задач, поставленных заказчиком" (с. 15 и др.).